

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Синь Лумина на тему «Ассоциативно-вербальное поле “одиночество” как фрагмент русской языковой картины мира: лингвокогнитивный аспект», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

В отсутствие научных исследований, посвященных многоаспектному изучению одиночества как фрагмента русской языковой картины мира, диссертация Синь Лумина отмечена несомненной новизной. Используемое диссертантом сочетание нескольких подходов – изучения данных, полученных, во-первых, экспериментальным путем, во-вторых, – методом анализа контекстов Национального корпуса русского языка и интернет-источников, а также, в-третьих, сведений из лексикографических источников – демонстрирует удачную и весьма действенную методику лингвокогнитивного анализа языкового материала.

Выбор в качестве объекта исследования вербализованных в русской языковой картине мира представлений об одиночестве актуален и оправдан как важностью одиночества в качестве «психогенного фактора», во многом определяющего душевное состояние человека, отношения с людьми, работоспособность и т.д., так и универсальностью чувства одиночества, которое, однако, может корректироваться у каждого из народов социальными факторами, действующими в определенный период. С другой стороны, к исследованию в выбранном направлении подводят и лингвистические факторы – многообразие и разнообразие контекстов, иллюстрирующих важность этого фрагмента языковой картины мира. Достоин внимания и такой выбранный Синь Лумином лингвосоциокультурный ориентир, как учет связи между представлениями об одиночестве на анализируемом синхронном срезе и возрастом людей, а также рядом иных параметров.

Направив свое внимание на особенности ассоциативно-вербального поля «Одиночество», отражающего восприятие и осмысление определенного фрагмента языковой картины мира, диссертант весьма основательно подошел

РК № 33-06-452 от 13.09.2024

к достижению поставленной цели и проверке заявленной гипотезы – верификации действенности избранного когнитивно-дискурсивного подхода к выявлению стереотипного представления об одиночестве в сознании современных носителей русского языка. В работе последовательно рассматриваются совокупности данных, полученных разными путями и далее сопоставляемых для определения степени совпадения и расхождений и наблюдаемых изменений в стереотипных представлениях носителей русского языка.

Выбранный алгоритм работы позволил, во-первых, обобщить сведения лексикографических источников – базовых идеографических («Русского семантического словаря»), словарей под редакцией проф. Л.Г. Бабенко и др.) и толковых словарей, отражающих необходимый минимальный набор признаков слова «одиночество» и место лексемы в системе языка – в разнообразии парадигматических и синтагматических связей. На этом этапе были выделены два лексико-семантических варианта – «разновидность эмоционального переживания» и «состояние субъекта».

Наиболее важным и интересным видится описание результатов эксперимента, составляющее значительную часть второй главы. В ходе когнитивного тестирования Синь Лумином были получены разнообразные версии субъективных трактовок, приведенных носителями языка, расширяющих и обогащающих стереотипные представления об одиночестве. Импонирует то, что диссертант задается вопросом о причинах появления отдельных трактовок чувства одиночества, которые могут быть связаны с личным опытом человека.

Синь Лумин предпринял и необычный шаг, но, как оказалось, весьма информативный в своем конечном результате. Мы имеем в виду привлечение в качестве материала совокупности ответов, данных пользователями на интернет-платформе «*ответы mail.ru*». Это стало, с одной стороны, подтверждением устойчивости стереотипных представлений об одиночестве, а с другой – дополнительным источником представлений об одиночестве и одиноком человеке, которые могут быть и были сопоставлены с результатами проведенного когнитивного теста и с данными толковых словарей. В

результате выявлены своеобразные акценты, отсутствующие в словарных данных: носители языка возлагают ответственность за это состояние на самого субъекта, считают это ощущение результатом осознанного выбора – стремления к свободе, комфорту, спокойствию и т.д., отмечают личные качества человека – как положительные, так и отрицательные (*свободный, замкнутый, скрытый* и др.). В рефлексивных высказываниях диссертантом выделены также варианты позиции, не совпадающие со словарными данными, что позволяет предположить необходимость корректировки существующих словарных дефиниций. Похвально, что итоги этого сопоставления не только описаны, но и показаны наглядно в виде таблицы (с. 92-93).

Культурные стереотипы в сознании носителей русского языка, касающиеся чувства и состояния одиночества, составляют, как показывает Синь Лумин, весьма широкое ассоциативное поле, вербально представленное 1150 реакциями на слова-стимулы *одиночество, одинокий, одинокая*. И здесь автор продемонстрировал редкое терпение и последовательность, поскольку им проанализирован огромный материал – и в разных аспектах: подробно охарактеризованы сами информанты и в отдельные разряды собраны ответы каждой из групп отвечавших.

Синь Лумином предложена тематическая классификация приведенных ассоциатов, включающая 15 групп, из которых первое место вполне обоснованно заняли ассоциаты, характеризующие подавленное эмоциональное состояние.

Достаточно убедительно построенная типология все же вызывает некоторые сомнения. Так, к обиходно-бытовым реалиям трудно отнести *слезы* (с. 99) – скорее это проявление подавленного состояния (ТГ 1); вряд ли можно рассматривать как проявление темперамента *замкнутость, нелюдимость, стойкость и настойчивость* (с. 147), *взвыть* можно было бы отнести в группу «психоэмоциональное восприятие». Из классификации выбивается группа 10 – единицы в ней объединены иным критерием, не тематическим. Хотя справедливости ради стоит признать, что очень непросто сформировать такое количество бесспорных по составу групп, чтобы каждый из выделенных

признаков нашел свое место. Очень уместны комментарии, которыми сопровождается выбор определенных ассоциатов – например, об объектах ландшафта, о природных явлениях и др.

Интересную картину представляют ассоциаты на стимулы-прилагательные, грамматическая форма которых повлияла, несомненно, как на выделение самих групп, так и на их состав и количественные характеристики. И с констатацией «аналогичности» классификации результатов ассоциативного эксперимента на стимулы «одиночество» и «одинокий-одинокая» (с. 110) я бы, пожалуй, поспорила. На стимулы-прилагательные информанты откликнулись, в первую очередь, наименованиями лиц и их совокупностей (197 реакций – группа 1), в то время как «одиночество» вызвало всего 17 таких реакций (группа 7). Представления о подлежащих счету единичных предметах, как нам представляется, повлияли на наполненность групп №2 «Наименования животных» и №3 «Наименования растений».

Весьма содержателен раздел работы, отведенный анализу ассоциатов-прецедентных феноменов, которых оказалось в ответах на удивление много. Следуя традиционной классификации, диссертант выделил основные разряды феноменов и осуществил большую работу по выявлению и детальному комментированию их источников – от «Маугли» и «тонкой рябины» до «белеющего паруса» М. Лермонтова и «Наполеона на острове Святой Елены».

Обратившись к динамике ассоциативных представлений носителей русского языка, Синь Лумин провел сопоставление информации существующих ассоциативных словарей и собственного банка накопленных данных и выявил соотношение ассоциатов на стимул *одиночество*, *одинокий*, доминирующие типы ассоциатов, долю совпадений и имеющиеся различия. Этот раздел работы содержит таблицы и графики, иллюстрирующие количественные и качественные изменения в современном языковом сознании – например, «тенденцию к конкретизации ассоциативного потенциала одиночества в сознании респондентов». Сопоставление позволяет прийти в конечном итоге к выводу о доминировании тематических ассоциатов среди других – как в словарях, так и в ответах информантов, об относительной

стабильности вербальных представлений об одиноком, о значительном увеличении прецедентных ассоциатов и т.д.

Особо следует отметить итоговый продукт – построение фреймов «Одиночество» и «Одинокий человек» (разделы 2.5. и 2.6.) – с привлечением контекстов, иллюстрирующих выделяемые слоты, и модели ассоциативно-вербального поля «Одиночество» – с выделением ядерной зоны, ближней, дальней и крайней периферии. Автор заранее снимает возможный вопрос относительно критериев определения границ ядерной и других зон, вводя четкие количественные параметры.

Четко сформулированный алгоритм исследования, тщательная проработка обширного материала и расстановка акцентов в каждом из разделов диссертации, обоснованное подключение к анализу все новых данных, рассматриваемых в разных проекциях, предельное внимание к особенностям языкового сознания позволили Синь Лумину прийти к значимым выводам и внести свой вклад в характеристику когнитивной базы носителей русского языка.

Хотелось бы, однако, задать автору и несколько вопросов.

1. Почему не был привлечен к ассоциативному эксперименту стимул *одиноко* как четвертое однокоренное слово? Поясню причины вопроса: субъект, характеризуя свое состояние, едва ли скажет «Я испытываю чувство одиночества» и скорее предпочтет фразу «Мне (ему, вам, нам...) одиноко». Так же разнятся, например, высказывания «Тебе не стыдно (грустно)?» и «Ты не испытываешь чувство стыда (грусти)?». К тому же *одинокая* (или *одинокий*) – это скорее о наличии или отсутствии близких отношений с кем-либо, семьи, брака либо о временном пребывании в одиночестве (*Одинокий студент бродил по коридору*). К этому подводят и некоторые формулировки самого диссертанта; с. 109: «Молодые люди также могут *чувствовать себя одиноко* из-за различных причин, таких, например, как отсутствие дружеской или романтической близости». Представляется, что некоторое различие наблюдается и в использовании в дискурсе слов *одинокий* (*одинокая*) и краткой формы *одинок*.

2. Как сказались на результатах анкетирования и приведенных ассоциатах разное образование респондентов? Особенно это интересно в отношении ассоциатов-прецедентных текстов.

3. Внимание диссертанта привлекло наличие повторяющихся ассоциатов, приведенных на слова *одиночество* и *одинокий/ одинокая* – «утес», «океан», «остров» или «вредный» и «вредная», «саморазвитие» - не являются ли они ассоциатами одного и того же информанта или это проявление общей тенденции?

4. Проявилась ли где-нибудь (в РВ или в ответах информантов) причинно-следственная связь между испытываемым чувством крайнего одиночества и уходом в сетевую жизнь – иногда непрерывную, вплоть до болезненной зависимости?

Высказанные нами предложения и сомнения носят дискуссионный характер и свидетельствуют о серьезности исследования и перспективности выбранного направления. Результаты могут быть в дальнейшем использованы в практике лингвокогнитивных исследований, при анализе иных ассоциативно-вербальных полей, составлении ассоциативных словарей, в преподавании русского языка и русского языка как иностранного.

В целом напрашивается вывод о том, что диссертационное исследование Синь Лумина на тему «Ассоциативно-вербальное поле “одиночество” как фрагмент русской языковой картины мира: лингвокогнитивный аспект» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете, а соискатель Синь Лумин заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка для
гуманитарных и естественных факультетов
Санкт-Петербургского государственного
университета Селиверстова Е.И.

